

К.В.Цеханская

СТАРЧЕСТВО И ТВОРЧЕСТВО: К ВОПРОСУ О РЕЛИГИОЗНЫХ КОНТЕКСТАХ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ

Статья посвящена проблеме религиозно-нравственного состояния русской культуры начала XX в. в контексте духовного влияния старчества на творческую интеллигенцию России. Автор сосредоточил внимание на социо-экономических процессах в предреволюционной России, стремясь проследить этапы становления русского капитализма. В статье обосновывается мысль о том, что капитализм явился детонатором разрушения и традиционной государственности, и православной ментальности народа. В работе раскрывается авторская идея об особой, охранительной, духовно-просветительской миссии русского старчества накануне краха Российской империи. Значительное внимание уделено размышлениям старцев о причинах разцерковления, нравственного упадка образованных сословий, а также о духе, содержании, смыслах и возможностях культуры. Автору удалось расширить проблематику духовного состояния российского общества накануне Русской Революции.

Ключевые слова: религиозность, идентичность, разцерковление, ценностные установки, декаданс, конфликт сословий

Русская культура конца XIX — начала XX вв. явилась яркой художественной проекцией бурной, противоречивой социо-политической жизни России. Очевидно, крушение традиционной государственности в феврале 1917 г. было подготовлено всей совокупностью геополитических, экономических, культурных и духовно-мировоззренческих факторов, определивших трагическую судьбу империи. В число этих факторов входит целый перечень нерешенных проблем русской жизни. Это отсутствие полноценных социо-политических, аграрных, образовательных реформ, поражение в русско-японской войне, нарастание нигилистических настроений в русском обществе, усиление сектантских, теософско-мистических начал. Все вышеозначенные факторы были порождены вступлением России на путь капитализма. Если мы поймем природу и характер капитализма в России, то ясно увидим, что именно социо-экономические процессы конца XIX — начала XX вв. самым прямым и разрушительным образом влияли на ментальность, культуру, этику, внутрисословные отношения русского общества, степень его оцерковления.

В наши дни как мантру повторяют миф о великих экономических достижениях России накануне Февраля. Для подобных утверждений нет никаких оснований. Переход от традиционного общества к индустриальному произошел в России лишь в 1891 году, с началом строительства Транссибирской магистрали. Действительно, в стране появляется сеть ж/д дорог, на Украине строится Донбасс, в Баку — самый крупный в мире нефтедобывающий комплекс. Но с самого начала капитализации страны ее так называемый экономический рост был полностью, почти тотально обусловлен иностранными капиталовложениями. «Мировая закулиса» фундаментально проникла во все отрасли промышленного производства. Так, к 1912 г. все русское паровозостроение, судостроение, нефтяная промышленность, добыча нефти и русской платины от 70 до 100% принадлежали немецким, парижским и другим иностранным банкам. А в таких стратегических отраслях, как машиностроение, металлургическое, механическое, электрическое и электротехническое производство, русские владели лишь 8% акционерного капитала [1-3]. Основными партнерами России по инвестициям торговли были Франция, Англия и Германия, которая в начале XX в. стала владеть половиной русской торговли. Именно от Германии напрямую зависела индустриальная модернизация страны. Германское экономическое влияние достигло таких величин, что, по мнению английского историка Пеэrsa, превратилась в некое подобие триумфального шествия по России [4]. Засилье немецкого капитала особенно ярко проявилось в годы Первой мировой войны — в деятельности русских банков подконтрольных Германии: это Внешнеторговый, Дисконтный, Сибирский, Петроградский международный банк, именно они с 1915 г. активизировали спекулятивные сделки с продовольствием, чтобы взвинтить цены и вызвать пробуждение революционных настроений в русском обществе. Уже к 1915 г. иностранцы контролировали около 70% капитала в России. В 1917 г. этот показатель возрос до 95% [5]. Но даже несмотря на такую «поддержку» Запада, капитализация России была весьма слабой. Так, к началу Русской революции общий капитал промышленных и торговых компаний России составлял около 2,5 миллиарда долларов, что равнялось 1/9 капитала инвестированных США только в собственные железные дороги. Капитал одной лишь корпорации Америки «Юнайтед Стил корпорейшн» составлял совокупный капитал всех индустриальных и торговых компаний России [4, с. 156]. Завершая обзор капитализации страны, отметим, что к 1913 г. из задолженности всех стран мира в 6317 млн. долларов, на Россию приходилось 1998 млн., что составляло более 31% [6].

Особо подчеркнем, — российский капитализм с самого начала развивался при активном участии развитого, зрелого западного капитализма. Со всей неизбежностью Россия превратилась в периферийную зону западного капитала. В ее экономике произошел секторный разрыв между промышленностью и сельским хозяйством. Промышленность стала анклавом западного капитала. Сельское хозяйство — его внутренней колонией. Единое народное хозяйство, при котором промышленность вбирает рабочую силу из деревни, а взамен обеспечивает село машинами, оказалось разорванным. Секторный разрыв и усугубившая его

крестьянская реформа Столыпина стали мощным детонатором революционизации российского крестьянства. Не будем подробно писать о сопротивлении крестьян разрушению их многовековой общинной жизни, о революционном противостоянии власти и народа. Отметим только, что первое десятилетие XX в. в истории православного русского царства было ознаменовано межсословной враждой крестьянства и дворянства. Некогда единый имперский народ после революции 1905—1907 гг. распался на антагонистические классы, с противоположными ценностными и культурными установками. Первым следствием распада православно-имперского самосознания русского общества стало его быстрое расцерковление. Особенно это касалось образованных сословий, где отход от Церкви совершался семимильными шагами, охватывая среднюю и высшую школу, духовно-религиозное образование, культуру. Об этом первыми с тревогой говорили духоносные отцы Русской церкви — о. Иоанн Кронштадтский, оптинский старец Варсонофий (Плиханков), владыка Вениамин (Федченков); очень точно духовно-нравственное состояние русского образованного общества накануне Русской революции определил митрополит Антоний (Храповицкий): «Печально наше время. Умножились страсти, померкла вера, явились лжеучители, нигилисты, которые стараются отвратить от церкви русский народ, убить в нем совесть, чтобы он без всякого страха совершал убийства, грабежи и мятеж. Чтобы не различал добра и зла, а считал дозволенным все, к чему влечет злая похоть» [7].

Все сказанное выше — это и был тот фон, вернее, та социо-культурная почва вседозволенности, обезбоженности, духовного развала, на которой произрастала и доминировала утонченно-демоническая культура декаданса. Культура так называемого Серебряного века, глубоко чуждая миллионам простых, традиционно мыслящих русским людям. Безусловно, в начале XX в. в художественной жизни страны присутствовал мощный пласт и традиционного реалистического искусства. Но оно уже более напоминало застывший классический памятник великого прошлого. Творческий бал правил модерн, декаданс, символизм, футуризм, авангардизм и прочие ИЗМы, которые в итоге завершились обрушением искусства в абстракционизм. Одиноким, запоздалым духовным противовесом декадансу выступила русская религиозная философия с ее мистическими поисками обновленных религиозных путей спасения и преобразования России. Но в конце концов и русская философия в лице о. П.Флоренского, о. С.Булгакова, Вл.Соловьева духовно остушилась, отметившись антиправославным учением о Софии Премудрости Божией. Представляется, ярким эпиграфом ко всей культуре Серебряного века может служить отчаянно-дерзкое трехстишие Марины Цветаевой: «Заповедей не блюла, не ходила к причастию. видно, пока надо мной не пропоют литию, буду грешить, как грешила — со страстью!» [8].

Как ни покажется странным и даже для кого-то малодоказуемым, но духовно-смысловые контексты русской культуры конца XIX в. — первых десятилетий XX в. наиболее точно и ясно «диагностировали», изучали, анализировали и прикровенно корректировали духоносные, прозорливые русские старцы. И прежде всего, старцы Оптиной пустыни. Казалось бы, институт оптинского старчества в предреволюционные годы уже не имел такой всеобщей популярности, как во времена о. Амвросия (Гренкова). Митрополит Вениамин (Федченков) как отмечалось выше, вспоминал, что многие студенты духовных семинарий и академий в начале XX в. не знали ни о каких Оптинских, Глинских или Зосимовских старцах. Даже праведный Иоанн Кронштадтский никак не волновал умы и сердца семинарской молодежи, будущих пастырей народа. Для самого о. Вениамина знакомство с оптинскими старцами Анатолием (Потаповым) и Нектарием (Тихоновым) было настоящим эмоционально интеллектуальным потрясением, перевернувшим душу [9, 10].

Оптинское старчество уже со второй половины XIX в. активно, с огромной любовью окормляло деятелей русской культуры, у которых в свою очередь, вырос запрос на познание метафизических глубин Православия. Так, в 60-е гг. XIX в. старец Макарий (Иванов) привлек в Оптину наставил и окормлял известных русских ученых, богословов и философов А.Ф.Голубинского и И.В.Киреевского, которые помогли перевести на русский язык и затем издать большое количество патристической и аскетической литературы. После кончины старца центральное место в Оптиной занял о. Амвросий (Гренков). Среди его духовных чад, как известно, был Ф.М.Достоевский, который в общении со старцем нашел ответы на все свои личные вопросы и, окрыленный молитвенным образом старца, под воздействием его прозорливой святости, вскоре написал роман «Братья Карамазовы», где в лице старца Зосимы вывел типический образ русского старчества. Как известно, благодатная личность о. Амвросия затронула даже Льва Толстого, который после одной из бесед со старцем сказал: «Этот отец Амвросий совсем святой человек. Поговорил с ним — и как-то легко и отраднo стало у меня на душе. Вот когда с таким человеком говоришь, то чувствуешь близость Бога» [11]. Существует предание, что старец Иосиф, ученик Амвросия, хотел перед смертью постричь писателя в монахи, чтобы привести к покою его мятежный дух. Но это было невозможно, так как граф так и не выполнил главного наказа старца Амвросия — принести публичное покаяние за свое лжеучение о Христе.

Хотя учительный и пророческий голос старцев в начале XX в. звучал как бы глухо, где-то на периферийных окраинах русской общественной жизни, но именно старцы, а не религиозные философы своей молитвой, предостережениями, пророчествами, неустанным духовным вразумлением малого стада, раздвигали горизонты духовной жизни страны. И все, кто внимал их голосу, начинал смотреть на события, мир, историю глазами старцев, как это делали писатели Нилус и Леонтьев, поэтесса Надежда Павлович, художник Дмитрий Болотов, принявший впоследствии монашество. Для старцев само существование русской культуры являлось свидетельством попечения Божия о русском народе. И хотя, например, о. Нектарий справедливо утверждал, что все стихи мира не стоят ни одной строчки Священного Писания, он говорил, что русская культура все же

дорога старчеству. Несомненно, она была дорога тем, что ее высшие образцы опосредованным, художественным способом соучаствовали в проповеди идеалов христианства. Поэтому, окормляя русскую творческую интеллигенцию — поэтов, художников, писателей, философов и просто верующих людей, старцы как бы налагали на них обязанность — через свое личное творчество и формы мирозерцания нести усвоенные истины Православия в ближний и дальний социум. И уже через этих людей, просвещенных харизматической силой старчества, истины веры, как сошедший благодатный огонь, непостижимым образом передавались всему русскому обществу.

Парадоксальным образом, но культура Серебряного века, как и вся драматическая, безблагодатная, несправедливая русская жизнь накануне Русской революции продолжали оставаться **христоцентричной**. И так было не только для церковного сообщества верующих. Отправной точкой декаданса, материалистической философии, эстетствующего нигилизма, да и просто разцерковленных атеистов оставалась Личность Богочеловека. От Христа отрекались, Его предавали, над ним глумились, но даже в этом поруганном виде Он оставался актуальной величиной русской жизни. Христос стал героем поэмы Блока «12». Врубель эстетизировал образ нечистого духа, противника Христа. В похуление Богочеловека вписался Лев Толстой со своей критикой Евангелия. Поэты-футуристы, авангардисты ниспровергали именно и только те ценности, которые принес в мир Христос. Художники-абстракционисты, лучисты, супрематисты искажали гармонию и красоту мира, созданную **логосом**. Черный квадрат Малевича — ведь это ничто иное, как антиикона, эстетический бунт против нетварных энергий, вечно соприсущих Богу. **Христоцентричность** русской жизни, которую через постоянную Иисусову молитву поддерживали старцы, понуждая к этому всех своих чад, оставалась залогом будущего спасения страны и народа. Именно поэтому русская культура в начале XX в. так смело и дерзко вбирала в себя множественные оттенки, течения и направления антиправославной духовности. Ведь все эти эстетические эксперименты и богоборческие бунты русской интеллигенции были как бы «подстрахованы» и «легитимизированы» самым бесконечно развернутым благим подтекстом **христоцентризма**, когда духовно оступаясь, бунтуя и согрешая, крещеная личность все же имела возможность вернуться на традиционно-спасительные круги своя. Даже совершенно «отмороженный» «лихой человек, бродящий с топором по ледяной пустыне», оставался — пусть против своей воли — в ментальном пространстве **христоцентризма**. Ведь точкой отсчета преступлений русских «людей лихих» служило страстно отвергаемые, невыносимые для нераскаянной души, всеведущие энергии Богоприсутствия.

Личность Богочеловека одухотворяла всю русскую культуру. И для старчества это был сакральный повод как можно глубже погрузиться в сам феномен художественного творчества, понять, как в искусстве претворяются религиозные смыслы бытия. Именно поэтому многие старцы предреволюционного времени, — например, о. Варсонофий (Плиханков) или о. Нектарий (Тихонов) — неустанно, через общение с творческой элитой, через знакомство с произведениями живописи, литературы, поэзии, вникали в сам духовный механизм творческого процесса, накопив огромный культурный багаж. Причем главное в этом багаже была не совокупность знания. Главное было — умение определить духовный источник творчества. Так, о. Варсонофий, основательно знавший творчество Пушкина, Лермонтова, Гоголя, очень точно определял духовные провалы в творчестве современных художников и писателей. Старец говорил, что большинство из них можно сравнить с людьми, пришедшими в церковь, когда уже началась служба и храм полон народом. Встали такие люди у входа, войти трудно, да они и не употребляют для этого усилий. Кое-что доносится из богослужения: «Херувимская песнь», «Тебе поем»... Так постояли, постояли и ушли, не побывав в самом храме. Так и художники и поэты у врат Царства Небесного — постояли, но не вошли в него, а между тем так много дано было им средств для входа туда...» [12]. Другой оптинский старец, о. Нектарий, представлял собой глубокообразованного монаха, достигшего в своем молитвенном делании высот прозорливости. О. Нектарий высоко отзывался о Пушкине, проявлял интерес к современной литературе и поэзии, например, к творчеству Ходасевича, Хлебникова, был знаком с работой Шпенглера «Закат Европы». Особо тепло старец относился к личности и творчеству Александра Блока, следил за его судьбой. Когда поэт умер, о. Нектарий заверил его мать, что ее сын находится в раю... Следует подчеркнуть, что старец пристально следил за религиозным искусством Церкви, так, он объяснил художникам природу Фаворского огня, указывая, как нужно символически изображать его на иконах [13].

Небольшой остаток русского старчества, окормлявший творческую интеллигенцию, а через них — невидимо — все русское общество накануне краха империи, на весь XX век заложил огромный потенциал религиозности, твердо зная, что наступят времена, когда русская творческая элита пожелает и сможет войти в Храм и остаться в нем до окончания Божественной Литургии.

1. Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. От начала до Великой победы. Кн. 1. М.: Алгоритм, 2001. С. 181-189.
2. Арин О.А. Россия в стратегическом капкане. Капитализм несет разрушение не только России, но и Западу. М.: Алгоритм, 2003. С. 22-28.
3. Данилов А.А. История России. XX в. Справочные материалы. М.: Гуманитарный издательский центр «Владос», 1996. С. 33-38.
4. Уткин А.И. Вызов Запада и ответ России. М.: Алгоритм, 2002. С. 168.
5. Мосолов А.А. При дворе последнего российского императора. Записки начальника канцелярии Министерства императорского двора. М., 1993. 270 с.

6. Курс отечественной истории X—XX вв. Основные этапы развития российского общества в мировом историческом процессе. / Под ред. Л.И.Ольшанского. М.: ИТРК, 2002. С. 184-186
7. Митрополит Антоний (Храповицкий). Слова, беседы, речи: (О жизни по внутреннему человеку). СПб.: Библиополис, 2002. С. 389.
8. Цветаева М. «Заповедей не было...» // Цветаева М.И. Собр. соч.: В 7 т. Т. 1. Кн. 1. М., 1997. С. 243.
9. Митрополит Вениамин (Федченков). На рубеже двух веков. М.: Отчий Дом, 1994. С. 94.
10. Митрополит Вениамин (Федченков). Божьи люди. Мои духовные встречи. М.: Отчий Дом, 1998. С. 103, 198.
11. Смолич И.К. Русское монашество. М.: Церковно-Научный Центр «Православная энциклопедия», 1999. С. 439.
12. Житие схиархимандрита Варсонофия. Издание Введенской Оптиной пустыни, 1995. С. 317.
13. Житие иеромонаха Нектария. Издательство Введенской Оптиной пустыни, 1996. С. 43.

References

1. Kara-Murza S.G. Sovetskaya tsivilizatsiya. Ot nachala do Velikoy pobedy. Kn. 1. M.: Algoritm, 2001. S. 181-189.
2. Arin O.A. Rossiya v strategicheskom kapkane. Kapitalizm neset razrushenie ne tol'ko Rossii, no i Zapadu. M.: Algoritm, 2003. S. 22-28.
3. Danilov A.A. Istoriya Rossii. KhKh v. Spravochnye materialy. M.: Gumanitarnyy izdatel'skiy tsentr «Vlados», 1996. S. 33-38.
4. Utkin A.I. Vyzov Zapada i otvet Rossii. M.: Algoritm, 2002. S. 168.
5. Mosolov A.A. Pri dvore poslednego rossiyskogo imperatora. Zapiski nachal'nika kantselyarii Ministerstva imperatorskogo dvora. M., 1993. 270 s.
6. Kurs otechestvennoy istorii Kh—KhKh vv. Osnovnye etapy razvitiya rossiyskogo obshchestva v mirovom istoricheskom protsesse. / Pod red. L.I.Ol'shanskogo. M.: ITRK, 2002. S. 184-186
7. Mitropolit Antoniy (Khrapovitskiy). Slova, besedy, rechi: (O zhizni po vnutrennemu cheloveku). SPb.: Bibliopolis, 2002. S. 389.
8. Tsvetaeva M. «Zapovedey ne bylo...» // Tsvetaeva M.I. Sobr. soch.: V 7 t. T. 1. Kn. 1. M., 1997. S. 243.
9. Mitropolit Veniamin (Fedchenkov). Na rubezhe dvukh vekov. M.: Otchiy Dom, 1994. S. 94.
10. Mitropolit Veniamin (Fedchenkov). Bozh'i lyudi. Moi dukhovnye vstrechi. M.: Otchiy Dom, 1998. S. 103, 198.
11. Smolich I.K. Russkoe monashestvo. M.: Tserkovno-Nauchnyy Tsentr «Pravoslavnaya entsiklopediya», 1999. S. 439.
12. Zhitie skhiarkhimandrita Varsonofiya. Izdanie Vvedenskoj Optinoj pustyni, 1995. S. 317.
13. Zhitie ieromonakha Nektariya. Izdatel'stvo Vvedenskoj Optinoj pustyni, 1996. S. 43.

Tsekhanskaya K.V. Eldership and creativity: to the question of religious contexts of Russian culture on the eve of the revolution. The article is devoted to the problem of the religious and moral state of Russian culture of the early XX century in the context of the spiritual influence of the elders on the creative intelligentsia of Russia. The author focuses on the socio-economic processes in pre-revolutionary Russia. The article gives a brief historical overview of highlights in the evolution of Russian capitalism. It is stated that capitalism destroyed both traditional national identity and the Orthodox mentality of people. The author's idea of a special, protective, spiritual-enlightening mission of Russian elders before the collapse of the Russian Empire is revealed. Considerable attention is paid to the reflections of the elders on the reasons for the church's separation, the moral decline of the educated classes, and also about the spirit, content, scope, and possibilities of the culture of those times. The issue of spiritual state of Russian society on the eve of the Russian Revolution needs to be addressed more broadly.

Keywords: religiosity, identity, discourses, values, decadence, conflict of estates.

Сведения об авторе. К.В.Цеханская — доктор исторических наук, вед. науч. сотр. Института этнологии и антропологии РАН; kirilla2011@gmail.com.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 05.03.2018.